

**А. С. БАЛАХОВСКАЯ**  
(Москва)

**ЛЕГЕНДЫ О СВЯТЫХ  
И ЖИТИЕ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ  
ПРОИЗВЕДЕНИЕ (по материалам  
агиографии Иоанна Златоуста)**

*На материале агиографии Иоанна Златоуста показано влияние легенд о святых на литературную форму жития.*

Ключевые слова: *средневековая литература, легенда, агиографическое произведение, житие, литературная форма.*

Влияние легенды на развитие средневековой литературы является одной из ключевых проблем, которые приходится решать литературоведу-медиевисту. Среди средневековых легенд особое место занимают легенды о святых, которые в латинском и греческом Средневековье были положены в основу многих агиографических произведений. Этой проблеме посвящен фундаментальный труд И. Делез «Агиографические легенды» [4], в котором легенды о святых рассматриваются с историко-культурной точки зрения. Цель же настоящей работы заключается в том, чтобы показать, какое значение легенды о святых имели для формирования средневекового византийского жития как литературного произведения, отличного от агиографических памятников периода поздней античности. Задачей данной статьи является выявление литературной специфики агиографических произведений об Иоанне Златоусте, созданных на основе легендарных повествований об этом святом.

Иоанн Златоуст (ок. 349–407), епископ Константинопольский, знаменитый проповедник и церковный пастырь, был незаконно осужден, низложен с константинопольского престола и кончил свою жизнь в ссылке, однако через тридцать лет после кончины епископа его мощи были торжественно перенесены в Константинополь, и с тех пор не прекращалось его почитание как святого.

Самыми ранними посвященными ему агиографическими произведениями являются «Диалог с Феодором, римским диаконом, о житии блаженного Иоанна, епископа константинопольского, Златоуста» Палладия, епископа еленопольского [9] и «Надгробное слово» Иоанну Златоусту Псевдо-Мартирия Антиохийского [7], созданные еще в позднеантичную эпоху, в начале V в. Оба произведения явились литературным ответом на бурную церковную полемику, связанную с личностью и судьбой Иоанна Златоуста.

В середине VII – начале VIII в. было создано «Житие св. Иоанна Златоуста», составленное Псевдо-Георгием Александрийским [1, с. 88–93; 3; 5]. Псевдо-Георгий создавал свое произведение спустя двести с лишним лет после церковного прославления Златоуста. За это время в народной среде сложилось множество сказаний о любимом святом, которые агиограф не мог игнорировать, составляя его жизнеописание.

К числу таких рассказов относятся повествования о необыкновенной добродетельности святого в самом раннем возрасте, его монашеской жизни, о многочисленных совершенных им чудесах, а также повествования, относящиеся к константинопольскому периоду его жизни: о патриции Феодорихе, вдове Каллитропе, винограднице вдовы Феогноста, о взаимоотношениях Иоанна Златоуста и императрицы Евдоксии. Кроме того, следует упомянуть повествования о Римском Папе Иннокентии, императоре Гонории, отлучении Римским Папой от Церкви императора Аркадия и о наказании виновных в изгнании Иоанна Златоуста [1, с. 119–166].

Легенда, будучи включенной в состав жития святого, становится его составной частью, во многом определяя его характерные литературные черты. Какова литературная специфика «Жития св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского, сформировавшаяся благодаря включенным в произведение легендарным повествованиям? Выявить ее поможет сравнение этого произведения с более ранними агиографическими памятниками, написанными в честь Иоанна Златоуста, в которых не использовались легенды о свя-

тых, и прежде всего, с «Надгробным словом» Псевдо-Мартиния Антиохийского. Это произведение является христианским энкомием [8, р. 479], который в жанровом отношении в гораздо большей степени сопоставим с «Житием» Псевдо-Георгия Александрийского, нежели «Диалог» Палладия Еленопольского [1, с. 158–164].

Следует, прежде всего, отметить, что «Надгробное слово», будучи сочинением агиографическим, является и памятником историческим [8, р. 483], в основе которого – правдивый рассказ о прославленном константинопольском епископе. Попутно автор ставит перед собой и другие задачи: призывает своего читателя к серьезным философским размышлениям о произошедшем и восхваляет Иоанна Златоуста.

Рассказывая об Иоанне Златоусте, Псевдо-Мартиний не стремится охватить в повествовании все факты его жизни, выстроив рассказ о них в единую сюжетную линию. Он обращается лишь к тем из них, которые считает наиболее важными и убедительными. В «Надгробном слове», например, полностью отсутствует рассказ о родителях Иоанна Златоуста, о его детстве. Мы встречаем здесь лишь краткие и разрозненные упоминания об обращении Иоанна к Церкви, о его уходе в монастырь и монашеской жизни. Основное внимание автор уделяет событиям в Константинополе, связанным с судом над Иоанном и его изгнанием.

Для того чтобы читатель задумался о смысле происходящего, Псевдо-Мартиний прибегает к авторским отступлениям: сравнениям, философским рассуждениям. Например, рассказывая о начале противостояния Златоуста и его врагов, Псевдо-Мартиний задается вопросом: почему страдают праведники, в чем заключается причина церковной смуты? Он сравнивает противостояние между Иоанном и его врагами с Олимпийскими играми, в которых лучший борец не получит венца, если не вступит в борьбу с противниками [7, р. 68<sub>15</sub>–73<sub>14</sub>].

Стремясь восхвалить своего героя, Псевдо-Мартиний далек от дидактизма. Когда он говорит о добродетели Иоанна Златоуста, его задачей является не поучение своей аудитории, а возвеличивание героя произведения. Например, он пишет: «Я думаю, что кто-нибудь, увидев того святого проповедующим, сказал бы, что он был пригвожден только к Священному Писанию, проводя целые ночи в борьбе со сном, вновь ревностно предаваясь заступничеству за бедных и вдов, и не желал иметь никакого другого дела, кроме этого» (перевод наш. – А.Б.) [Ibid, р. 61<sub>4-8</sub>].

Итак, задача автора «Надгробного слова» состоит не в том, чтобы, создав увлекательный сюжет, тем самым вызвать интерес читателя к повествованию, а в том, чтобы правдиво рассказать об Иоанне Златоусте, погрузить читателя в философские размышления о святом и восхвалить его.

Совершенно иной характер имеет «Житие св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского. Это произведение создавалось в то время, когда острые и животрепещущие вопросы, касающиеся личности Златоуста, уже не были актуальны. Он воспринимался как прославленный святой и идеальная фигура, и в задачу его агиографа входило создание не достоверного рассказа, а интересного и поучительного повествования о святом.

Для этой цели агиограф выстраивает подробный и последовательный рассказ о жизни Иоанна Златоуста. «Житие» начинается с повествования о рождении святого, о его родителях, затем повествуется о детских и отроческих годах героя, его юности, о желании стать монахом, потом автор подробно рассказывает о монастырской жизни и вслед за этим – о рукоположении в сан диакона, а затем в сан пресвитера. Далее мы читаем о рукоположении Иоанна во епископа и обо всем, что произошло в Константинополе в период его предстоятельства. Вслед за этим Псевдо-Георгий переходит к теме суда над Златоустом, его низложения, ссылки, возвращения, второй окончательной ссылки, кончины и тех событий, которые последовали за ней.

О значительной части упоминаемых здесь событий агиограф повествует, опираясь на легенды о святом, которые значительно восполняют то, что рассказано о нем в историко-литературных источниках, таких как «Диалог» Палладия, «Церковная история» Сократа Схоластика [11], «Надгробное слово» Псевдо-Мартиния Антиохийского.

В первую очередь это относится к повествованию о детстве святого, а также о его жизни в монастыре и монашеских подвигах, поскольку именно об этих периодах жизни Иоанна Златоуста в историко-литературных источниках рассказано очень скупо. Псевдо-Георгий черпает из легендарных источников такие сюжетные мотивы, как отказ юного Иоанна по смирению ездить в училище на колеснице в сопровождении слуг или его чрезвычайные монашеские подвиги и чудотворения. Однако и о других этапах жизни святого агиограф рассказывает, прибегая к легендарным повествованиям.

Использование Псевдо-Георгием сюжетных мотивов, созданных на основе легенд, помогло ему выстроить последовательность событий жизни Иоанна Златоуста в увлекательный сюжет. Для иллюстрации этого тезиса обратимся к легендарному рассказу о винограднике вдовы Феогноста, являющемуся кульминацией «Жития».

Благочестивый сенатор Феогност был оклеветан перед императором, который приказал изгнать Феогноста в Фессалоники, конфисковать все его имущество, оставив его жене и детям один виноградник. По дороге в ссылку Феогност умер. Его вдова пришла за помощью к Иоанну Златоусту, однако помочь ей он не сумел из-за напряженных отношений с императрицей Евдоксией, которую он неоднократно обличал за страсть к сребролюбию. Когда наступил сезон сбора винограда, императрица отправилась за город обозревать свои угодья и, случайно войдя в виноградник вдовы, находящийся по соседству с ее виноградниками, вкусила от сорванного там плода. В то время существовал закон, который гласил: если царственная особа вступит на территорию чужого владения и вкусит от произросших на нем плодов, то это владение переходит в ее собственность. Когда императрица узнала, что этот виноградник принадлежит вдове Феогноста, она приказала приписать его себе, желая, с одной стороны, досадить вдове, поскольку она обратилась за помощью к епископу, а с другой – спровоцировать конфликт с ненавистным ей Иоанном, чтобы иметь повод низложить его с престола. Златоуст, услышав о произошедшем, потребовал от императрицы вернуть виноградник. Когда она отказалась это сделать, он, обратившись к ней, назвал ее новой Иезавелью (3 Цар. 21). В ответ на это императрица приказала изгнать епископа из дворца, а он, в свою очередь, повелел затворить перед ней двери храма, когда она придет туда [5, р. 191–198].

Этот рассказ представляет собой увлекательную остросюжетную новеллу, чтение которой должно заинтриговать аудиторию и вызвать ее интерес к этому агиографическому произведению. И это не единственное производящее яркое впечатление повествование, содержащееся в «Житии» Псевдо-Георгия. Аналогичны ему рассказы о патриции Феодорихе, о вдове Каллитропе, об отлучении Римским Папой от причастия императора и императрицы, о покаянии императора и наказании им виновных в изгнании Иоанна Златоуста [Ibid, р. 148–151, 167–171, 263–269].

Говоря об увлекательности сюжета «Жития» Псевдо-Георгия, нельзя оставить в стороне и рассказы о многочисленных чудесах Иоанна Златоуста. Таковы повествования об исцелениях, совершенных Златоустом, об умерщвлении им свирепого льва [Ibid, р. 97–106].

Чтение «Жития» не только увлекает читателя. Практически все сюжетные мотивы, созданные на основе легенд об Иоанне Златоусте, назидательны. Однако среди них особо выделяются такие, как уже упомянутое выше повествование об отказе юного Иоанна ездить в училище на богатой колеснице в сопровождении слуг и копьеносцев, завершающееся назидательной речью отрока Иоанна о смирении, обращенной им к родителям, как рассказы об обращении в христианство язычника Анфимия и всего населения Афин и об исцелении язычника-солнцепоклонника в Армении, демонстрирующие всю несостоятельность язычества перед христианством, а также рассказ о первой проповеди Иоанна Златоуста в Константинополе, который учит тому, как император должен относиться к своему христианскому долгу [Ibid, р. 74–78, 129–132, 237–239].

Итак, значение легендарных повествований для формирования литературного текста «Жития св. Иоанна Златоуста» заключается в том, что с их помощью создается совершенно иное по своему характеру произведение, нежели «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия Антиохийского.

«Надгробное слово» – произведение историко-философское, в котором правдиво изображены эпоха Иоанна Златоуста и сама личность святого. Однако перед нами еще и литературное произведение. Литературность «Надгробного слова» заключается не в том, что в нем присутствуют элементы беллетристического повествования, а в том, что перед нами произведение, написанное в согласии с жанровыми и стилистическими нормами, которые были предписаны античной риторической традицией [1, с. 52–58; 8, р. 479–48].

«Житие св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского – произведение, прежде всего, дидактическое, в котором в лице Иоанна Златоуста дается пример для подражания. Однако назидательной цели произведения вовсе не противоречит тот факт, что оно представляет собой увлекательное повествование [2, с. 69], напротив, одно влечет за собой другое, поскольку для того, чтобы произведение приковало внимание аудитории, оно должно быть ей интересно.

Таким образом, в «Житии» Псевдо-Георгия мы видим зарождение другого типа литературности по сравнению с «Надгробным словом» Псевдо-Мартирия. В этом произведении содержится зерно «беллестричности», о котором свидетельствует динамичное и занимательное сюжетное повествование [2, с. 7]. Важную роль в создании такого повествования сыграли народные легенды о святом, свойством которых являются простота и доступность содержания, яркие образы и сильные эмоции [4, р. 40–49].

«Житие св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского легло в основу всей последующей агиографии Иоанна Златоуста, наиболее значительными памятниками которой были жития, созданные Никитой Философом, Анонимом и Симеоном Метафрастом в X в. [6; 10; 12]. Те литературные особенности, которые свойственны «Житию» Псевдо-Георгия, в полной мере свойственны и этим произведениям, являющимся риторической переработкой «Жития» Псевдо-Георгия.

Итак, народная легендарная традиция сыграла важную роль в формировании литературных особенностей средневековой агиографии Иоанна Златоуста, которые в неизменном виде просуществовали в течение нескольких столетий.

### Литература

1. Балаховская А.С. Иоанн Златоуст в византийской агиографической традиции (V – X вв.). М. : Тезаурус, 2013.
2. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л. : Наука, 1970.
3. Baur Ch. “Georgius Alexandrinus” // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1927. V. 27. P. 1–16.
4. Delehayе H. *The Legends of the Saints. An Introduction to Hagiography*. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1961.
5. Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome / Publiés par François Halkin. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1977. P. 69–285.
6. Migne J.-P. *Patrologiae Graecae Cursus Completus*, in 161 vols. Paris, 1857–1866. V. 114. Col. 1046–1209.
7. Ommeslaeghe F., van. *De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Martyrius van Antiochie*. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de *Historische Kritiek* : PhD diss. Louvain, 1974.
8. Ommeslaeghe F., van. *La valeur historique de la Vie de S. Jean Chrysostome attribuée à Martyrius d’Antiochy (BHG 871)* // *Studia Patristica*. V. 12. Berlin, 1975. P. 478–483.
9. Palladios. *Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome*. T. I / introduction, texte critique, traduction et notes par A.-M. Malingrey et Ph. Leclercq / *Sources Chrétiennes*, 341. Paris : Les éditions du Cerf, 1988.

10. Savile H. *Chrysostomi opera omnia*, in 8 vols. Eton, 1612–1613. V. 8. P. 293–371.

11. *Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia with the latin translation of Valesius in 3 vols* / Ed. R. Hussey. V. 2. Oxford, 1853.

12. *Vita a. Niceta Philosopho. Cod. Thessalonic. Влат.4, saec. XI, fol. 77 – 155.*

\* \* \*

1. Balahovskaya A.S. *Ioann Zlatoust v vizantiyskoy agiograficheskoy traditsii (V – X vv.)*. M. : Tezaurus, 2013.

2. *Istoki russkoy belletristiki. Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature*. L. : Nauka, 1970.

3. Baur Ch. “Georgius Alexandrinus” // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1927. V. 27. P. 1–16.

4. Delehayе H. *The Legends of the Saints. An Introduction to Hagiography*. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1961.

5. *Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome* / Publiés par François Halkin. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1977. P. 69–285.

6. Migne J.-P. *Patrologiae Graecae Cursus Completus*, in 161 vols. Paris, 1857–1866. V. 114. Col. 1046–1209.

7. Ommeslaeghe F., van. *De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Martyrius van Antiochie*. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de *Historische Kritiek* : PhD diss. Louvain, 1974.

8. Ommeslaeghe F., van. *La valeur historique de la Vie de S. Jean Chrysostome attribuée à Martyrius d’Antiochy (BHG871)* // *Studia Patristica*. V. 12. Berlin, 1975. P. 478–483.

9. Palladios. *Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome*. T. I / introduction, texte critique, traduction et notes par A.-M. Malingrey et Ph. Leclercq / *Sources Chrétiennes*, 341. Paris : Les éditions du Cerf, 1988.

10. Savile H. *Chrysostomi opera omnia*, in 8 vols. Eton, 1612–1613. V. 8. P. 293–371.

11. *Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia with the latin translation of Valesius in 3 vols* / Ed R. Hussey. V. 2. Oxford, 1853.

12. *Vita a. Niceta Philosopho. Cod. Thessalonic. Влат.4, saec. XI, fol. 77 – 155.*

### *Legends of the saint and Life as the literary work (based on St. John Chrysostom hagiography)*

*Based on St. John Chrysostom hagiography there is considered the influence of legends of the saint on the literary form of a Life.*

*Key words: medieval literature, legend, hagiography, Life, literary form.*

(Статья поступила в редакцию 10.01.2014)